

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.М. Плискевич

старший научный сотрудник, Институт экономики РАН (Москва)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РУБЦЫ В «ПОГРАНИЧНЫХ» ОБЩЕСТВАХ И ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА (Часть 1: Институциональные рубцы)

Аннотация. В статье анализируются последствия одной из стратегий догоняющего развития — попытки наверстать отставание с помощью модернизационных рывков мобилизационного типа. В результате, если в какой-то степени преодолевается отставание в технологической области, то сопутствующие ему институциональные и культурные преобразования, как требующие изменений в социальной среде и большего времени, неизбежно запаздывают. Потому внедряемые институты, попавшие в чуждую им среду, искажаются, более того, в ходе своей деформации приобретают свойства, позволяющие укреплять старую институциональную систему. В институциональной ткани общества образуются институциональные рубцы, незнакомые странам эволюционного развития и требующие особого внимания в ходе дальнейших попыток модернизационных преобразований. Показано, что для таких стран, как Россия, в процессе формирования институциональных рубцов важную роль приобретает само их положение как «пограничных» между цивилизационными образованиями разных типов. Культуре таких пограничных сообществ присуще более лёгкое впитывание социокультурных влияний от различных соседей, что способствует эклектичности формирования собственной социокультурной основы. В первой статье ставится проблема формирования в ходе мобилизационных рывков особых институциональных образований — рубцов в институциональной ткани общества. Показывается в этом процессе роль фактора «промежуточности» общества, принимающего внешние институты в этом процессе.

Ключевые слова: институциональная структура, институциональный рубец, «пограничная» цивилизация, модернизация, мобилизационный рывок, ценности, человеческий потенциал.

JEL: A12, A13, B00, B15, B52.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_3_130_143.

Мобилизационные рывки как фактор формирования институциональных рубцов

Ускоряющиеся в современном мире процессы научно-технической революции, цифровизации всей жизни общества и его экономики, всё более превращающейся в экономику знаний, вновь заставляют задуматься о необходимости модернизации в нашей стране. Причем модернизации не только инструментальной, но и институциональной, и в целом социальной, которая требует долгой последовательной и кропотливой работы.

Потребность в такой комплексной модернизации, не ограничивающейся лишь очевидными потребностями технологического развития, без которого страна обречена на углубляющееся отставание от более передовых её конкурентов и в развитии социальном, ощущается многими. Неслучайно в последние годы социологи, особенно проводящие

исследования в фокус-группах, отмечают в России возрастающий запрос на перемены, причём в самом широком плане. Так, группа М.Э. Дмитриева уже в конце 2018 г. фиксировала сильные изменения настроений: «Мы наблюдали не только продолжающиеся изменения в массовом сознании, связанные с усилением внутреннего локуса контроля и вытекающей из этого критической переоценки окружающей реальности, но и внезапную смену ценностных ориентаций. Популистский запрос на дистрибутивную справедливость сменился запросом на процессуальную справедливость, свободу, уважение и мир, что знаменует решительный отход от повестки классического популизма... Обращает на себя внимание однонаправленность и непротиворечивость наблюдаемых изменений» [Дмитриев, Никольская, 2019. С.31]. О необходимости существенных модернизационных изменений в стране пишут и многие экономисты, подчёркивая при этом те сложности, с которыми столкнутся реформаторы прежде всего в социальной сфере.

В то же время и затрагивающие эту тему философы отмечают важность внутреннего соответствия модернизационных процессов в технологической, инструментальной и социокультурной областях. Так, согласно закону техно-гуманитарного баланса, сформулированному ещё в начале 1990-х гг. А.П. Назаретяном, в течение всей истории человечества соблюдалась внутренняя зависимость между технологическим потенциалом, достигнутым обществом, качеством культурно-психологической регуляции в нем и его общей стабильностью. Если культурно-психологические качества общества не поспевают за темпами технологического развития, это непременно приводит к ослаблению устойчивости общества (см., например, [Назаретян, 2014]). Поэтому столь важно, хотя и невероятно трудно, реформаторам, запустившим модернизационные процессы, не ограничиваться заимствованием новейших технологий, а сопровождать их скрупулёзной, не столь внешне эффективной, но необходимой работой по адаптации общества к жизни в новых условиях, т.е. одновременно заниматься и модернизацией социальной среды.

Если целью реформаторов является успех модернизационных преобразований как целого, то они не должны пренебрегать социокультурной составляющей процесса, а напротив, всячески поддерживать её, подкрепляя идущие технологические преобразования усилиями в развитии необходимых для них социокультурных изменений в обществе, давать ему ориентиры для соответствующего развития. Однако обычно выбирается другой, как кажется, более рациональный путь — снятие возможных напряжений не по направлению к укоренению новых социокультурных кодов, ценностей, соответствующих тем технологическим сдвигам, которые происходят в стране, а с помощью укрепления укоренённых в обществе старых норм, обычаев, ценностей. Если даже это на какое-то время и снимает напряжение, то результатом становится незавершённая модернизация, а общество получает искажённую институциональную структуру, не соответствующую уровню технологических достижений, что в итоге не даёт ожидаемого эффекта и от заимствованных технологий.

Такой предстаёт перед нами картина многих модернизационных преобразований, особенно последних столетий. Сам темп развития современного общества подталкивает реформаторски настроенные элиты стран «догоняющего развития» к принятию стратегии мобилизационных рывков, ориентированных прежде всего на восприятие технологических достижений более преуспевших соседей. Особенно массово такие процессы наблюдались учёными еще в середине прошлого века, когда освободившиеся от колониальной зависимости страны предпринимали подобные рывки. Уже тогда исследователи фиксировали происходящую, несмотря на первоначальный искренний энтузиазм реформаторов, общую проблему расхождения технологических, институциональных и социокультурных аспектов модернизации. В итоге это приводило к общей стагнации, возрождению прежних авторитарных систем, пусть и облачённых в «модернизированные» одежды. Так, Ш. Эйзенштадт — один из видных учёных, работавших в данной области еще в конце 1960-х гг., отмечал, что, несмотря на имеющиеся сдвиги, «во многих развивающихся

странах так и не сложились, особенно в политической области, устойчивые и современные институциональные системы, способные справляться с постоянно изменяющимся и расширяющимся спектром общественных проблем и запросов». В результате «многие институты, сформировавшиеся в начальный период модернизации, сегодня распались и прекратили работать, уступив место менее сложным и, как правило, более авторитарным политическим режимам». Во многих случаях это вело к стагнации и неустойчивости развития, к утрате способности впитывать новые веяния. В целом это «можно считать патологическими срывами модернизации» [Эйзенштадт, 2010. С.43, 46]¹. Эти выводы, в частности, можно рассматривать и как одно из подтверждений верности концепции техно-гуманитарного баланса и вытекающих из неё последствий для обществ, начавших модернизационные преобразования, включая расхождения в темпах технологических и социокультурных перемен. Особенно тяжело это отражается на обществах, где такие неудачные попытки совершались неоднократно.

Ярким примером тут могут служить и попытки модернизаций в истории России. В последние десятилетия, особенно после выхода на рубеже 1980–1990-х гг. трудов Д. Норта (см., например, [North, 1990; Норт, 1997]), появились работы, объясняющие указанные неудачи, исходя из принципиальной разницы двух институциональных систем — рыночной и распределительной как разного типа институциональных матриц [Бессонова, 2007; Курдина, 2014; Hedlund, 2011; Hedlund, 2017; Хедлунд, 2015; Заостровцев, 2020]. В близком русле работают исследователи, выводящие особенности российской ситуации из господства в ней особо прочной связки власти и собственности как системы «власть-собственность», например, [Нуреев, Рунов, 2002; Нуреев, Латов, 2011; Вольчик, 2015; Плискевич, 2006]. В то же время во многих работах делается акцент на обусловленности институциональных особенностей социокультурными проблемами ([Аузан, 2007а; Аузан, 2007b; Аузан, Келимбетов, 2012]. С исследователями, предполагающими, что путь преобразований из-за значительных культурных преград будет труден и долог, полемизируют те, кто верит в новые возможности современного глобального мира. Они считают, что в течение 10 — 20 лет «политика... может менять культуру, создавая условия для более быстрого прогресса» [Harrison, 2013. Р. 190; Харрисон, 2014. С. 267]. Учёные же, изучающие ценностные изменения в различных странах, хотя и отмечают ускорение этих процессов, но подчёркивают, что всё идёт не столь быстро. Они ставят особенности институциональных систем различных сообществ в зависимость от изменений ценностей их членов [Инглхарт, Вельцель, 2011; Вельцель, 2017; Инглхарт, 2018].

При всей важности различных направлений исследования причин многих неудачных попыток модернизационных преобразований представляется целесообразным обратить особое внимание на один из их аспектов, связанный со спецификой «догоняющего развития», особенно если оно происходит в форме мобилизационного рывка. Устойчивость западной институциональной конструкции обусловлена прежде всего тем, что все её компоненты формировались постепенно, эволюционным путем, не было столь резких разрывов, которые неизбежно происходят в процессе резких мобилизационных скачков. По сути, эволюционный путь можно трактовать и как путь медленного преобразования «силовой» матрицы в «правовую» [Заостровцев, 2020], и как постепенную эволюцию мотиваций правящих элит, пришедших к мысли о целесообразности и меньшей затрат-

¹ Уже в XXI в. А.Д. Радыгин и Р.М. Энтов, обобщая накопленные знания о трансформациях в колониальных и постколониальных обществах, писали: «Политика государств-метрополий чаще всего приводила к разрушению прежнего хозяйственного уклада, и тогда в полной мере проявлялись негативные последствия неадекватной «трансплантации» чужеродных социально-экономических институтов. Насаждаемые институты терпят крах уже вследствие того, что рыночную экономику навязывают обществам, имеющим принципиально другую ориентацию, а труд и землю превращают в товар или все без исключения культурные институты органического общества ликвидируют. Более того, разложение патриархальной системы и внедрение рыночных отношений лишь способствовали обострению кризиса» [Радыгин, Энтов, 2008. С.15].

ности для них перехода к новым условиям функционирования государства и общества. Осознание элитами необходимости такого перехода и условия, в которых оно происходит, получили у Д. Норта и его коллег наименование «пороговых условий перехода к порядкам открытого доступа» [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011. С. 76].

Такой путь предполагает, что, если и появлялись напряжения или даже разрывы в различных составляющих общественного целого — технологического, институционального, культурного, то в ходе освоения вырвавшегося вперед компонента они достаточно быстро смягчались благодаря не силовому, а консенсусному, поддерживаемому независимой правовой системой, взаимодействию заинтересованных акторов со стороны и государства, и общества. В результате система приходила в равновесие на новом уровне. Это создавало прочную базу для экономического роста и постепенного повышения уровня благосостояния всего общества. В то же время сам период перехода системы из одного качества в другое весьма сложен, так как предполагает сосуществование в одной системе институтов различной направленности. В этой ситуации возможно их рассогласование и для его смягчения важно формирование неких промежуточных институтов, призванных исправить положение. Е.В. Балацкий особо выделяет такое качество функционирования институтов в период реформ, как соблюдение «принципа согласованности» компонентов общественной системы — технологий, институтов и культуры. Нарушение этой согласованности ведёт не только к замедлению экономического роста, но и к деградации всей социальной системы [Балацкий, 2021]². Это естественно, так как любая серьёзная технологическая новация требует и соответствующих ей управленческих решений (а значит, и коррекции деловой культуры), и выработки новых норм, правил, т.е. новых институтов, адекватных изменившимся технологическим условиям, и создания соответствующей этим условиям социокультурной среды.

Поэтому в подобной ситуации часто складывается такое явление, как институциональная ловушка [Полтерович, 2007. С.87–130]. То есть избрание в конкретной ситуации несогласованности различных компонентов переходной системы неэффективной устойчивой нормы или института, отличающихся самоподдерживающимся характером. В то же время, говоря о формировании институциональных ловушек именно как особого явления, связанного с реформированием системы и, соответственно, с фактором несогласованности новых и привычных институтов, в качестве важнейшей черты принимается возможность выбора того или иного пути разрешения различных проблем. Главное, что характерно для институциональных ловушек, — «наличие, по крайней мере, двух институциональных альтернатив» [Балацкий, 2020. С. 30]. Причём выбор альтернатив по мере развития реформ и укрепления системы новых институтов может меняться.

Прежде всего это касается сферы инструментальных взаимодействий. Так, В.М. Полтерович в качестве примеров институциональных ловушек приводит бартер, неплатежи, уклонение от налогов, теневые связи и ряд других. Тридцатилетняя практика российских реформ свидетельствует о том, что в процессе изменения условий хозяйствования естественно складывались условия для выхода из подобных ловушек. Это: 1) увеличение трансакционных издержек действующей неэффективной нормы; 2) уменьшение трансакционных издержек альтернативной нормы; 3) снижение трансформационных издержек перехода к альтернативной норме [Полтерович, 2007. С. 122]. В случае, если институциональная ловушка связана с изменением инструментальных условий функционирования экономической системы и реформы проводятся последовательно, создание условий для выхода из ловушки и, соответственно, переход к эффективной норме может произойти в достаточно сжатые сроки.

² По сути, в данном случае в терминах институциональной теории подтверждается тот же принцип, о котором речь шла выше как о принципе техно-гуманитарного баланса.

Иное дело, если попытки сопряжения старых и новых норм и складывающиеся на этой почве напряжения затрагивают более глубокие социокультурные слои. Здесь путь представляется более длительным. Полтерович связывает его с развитием гражданской культуры [Полтерович, 2007. С. 125–127]. Однако это может дать результат только в случае эволюционного развития процесса реформирования, когда социокультурный, в частности политический, компонент хотя и отстаёт от технологического развития, но проводящие реформы элиты не препятствуют преобразованиям в социокультурной сфере. И особенно, если сложившиеся в тот или иной период административные, экономические, силовые элиты не пытаются упрочить своё господство, опираясь на привычные для общества старые институты, не укрепляют их за счёт имеющихся у них возможностей. В этом случае результатом преобразований может, например, оказаться дисфункция институтов, при которой «функционирование института отклоняется от «стандартного» — от того, которое ожидалось экономическими агентами и (или) законодателем при трансплантации или конструировании» [Полтерович, 2007. С. 91]. Либо речь может идти о ситуации, когда реформаторы думали о преобразовании лишь в какой-либо одной, важной для них, сфере. Они не только не заботились об изменениях в других сферах, для них не столь важных, но необходимых для нормального функционирования имплантированного института, а стремились в целях стабилизации ситуации укрепить старые, по сути несовместимые с новыми, институты, ибо, проводя реформы, в обществе они могли опираться только на них.

Такое поведение элит, причём находящее в обществе понимание, ибо предлагает ему действовать в рамках привычных для него практик, пусть и внешне несколько изменённых в соответствии с предполагаемыми реформаторами намерениями, формируется в ситуации мобилизационного рывка. Он предпринимается властителем и его соратниками, как правило, с целью освоения в кратчайшие сроки достижений более сильных, развитых, а потому и угрожающих соседей. Акцент делается обычно на восприятие военно-технических и обслуживающих их новаций, а также, возможно, сопутствующих им некоторых организационных мер. В этом заключается сама логика такого рывка, по сути своей разрушающая упомянутые выше и принцип соответствия, и принцип техно-гуманитарного баланса. В такую политику изначально заложена асимметричность воспринимаемых компонентов, чреватая в условиях дальнейшего эволюционного развития деградацией социальной системы. И так как сама стратегия рывка предполагает его относительную краткосрочность, то в результате реформаторский импульс быстро «выдыхается» и процесс может законсервироваться на длительное время в ситуации, когда действующие институты обретают промежуточную форму, сочетающую черты и старого, и нового источника.

В случаях, когда такие рывки предпринимались неоднократно в истории стран «догоняющего развития», причём будучи нацеленными в каждый конкретный период на достижение тех или иных выбранных инструментальных результатов (как правило, в военно-технической сфере), реформаторы обычно пренебрегали неизбежно сопутствующими инструментальным компонентам, соответствующими преобразованиям в социокультурной ткани общества. А из сопутствующих технологическим изменениям институциональных новаций обычно ограничивались теми, которые казались целесообразными или необходимыми с организационной точки зрения.

Сходная картина складывается, когда причиной мобилизационного рывка становится экономический крах существующей хозяйственной системы, и для ее реанимации предпринимается комплекс мер по замене «обанкротившихся» институтов институтами, имплантированными из экономически более успешных сообществ. Но и в данном случае тема соответствующих социальных и культурных преобразований как необходимой составной части общего процесса реформирования не успевает за технологическими, инструментальными изменениями. В результате она либо по естественным причинам, либо как вошедшая в противоречие с интересами влиятельных групп отодвигается на буду-

щие времена. Сама ситуация мобилизационного рывка даже в политически благоприятных условиях не оставляет времени для эволюционно развивающейся социокультурной среды, соответствующей модернизационным требованиям.

С одной стороны, это следствие сложности изменений в инструментальной, институциональной и социальной сферах. С другой стороны, как уже было отмечено, мобилизационный способ внедрения в старую институциональную среду новых, не свойственных ей, институтов, обычно требует опоры на привычные нормы и ценности. Ибо такая опора естественна для большинства членов общества, оказавшегося перед лицом непривычных тягот, с которыми связано состояние мобилизационной трансформации. Более того, требования социальной стабилизации подсказывают прежде всего применение таких способов внедрения новых институтов, которые могли бы укрепить старый социокультурный каркас. В результате происходит деформация внедряемых институтов в наиболее важной для подлинно модернизационных преобразований сфере — социокультурной. Преобразованные в ходе таких мобилизационных рывков старые институты обретают гораздо большую устойчивость, сохраняются в течение не только десятилетий, но и столетий и в итоге требуют для их изменений особо продуманной стратегии, неизвестной обществам, прошедшим путь эволюционного развития. Можно говорить о них как об элементах институциональной системы особого качества — *институциональных рубцах*.

Под институциональным рубцом предлагается понимать устойчивое искажение институциональной системы под воздействием института, имплантируемого в ходе мобилизационного рывка из иной системы с целью активизации технологической и экономической деятельности в выбранных реформаторами областях. В результате такой институт в непривычной для него социокультурной среде начинает функционировать нестандартно, пытаясь найти точки «сопряжения» со старой системой. При этом общим результатом данного процесса становится и общее укрепление старой системы за счёт взаимодействия её с новыми имплантируемыми институтами. В то же время нельзя не учитывать и то, что новый институт, пусть и в искажённом виде, медленно начинает воздействовать на социокультурную среду, провоцируя её медленную эволюцию. Ход данного процесса во многом зависит от того, в какой степени принимающее общество предрасположено к впитыванию новых веяний, а также от того, не будут ли ему мешать противоположные воздействия.

Выделение понятия институционального рубца позволило бы вывести из сферы институциональных ловушек ряд особо устойчивых, неэффективных, длительных и даже иногда пагубных с точки зрения общественного развития явлений, отнесение которых к институциональным ловушкам часто становится предметом дискуссий. Это, например, и мафия, и международные организованные преступные группировки, и коррупция, и оффшоры, которые иногда относят к глобальным институциональным ловушкам, и ряд других [Балацкий, 2012. С.61–62; Балацкий, 2020. С.31–32].

Российская история с ее постоянно повторяющимся циклом «реформа — контрреформа» заставляет обратить внимание на восприимчивость не только к технологическим, но и к культурным влияниям, идущим от соседей. В результате за многие века применения такой практики складывалась особая форма институциональной системы с её попеременным тяготением то к «восточным», то к «западным» институциональным образцам. Эти образцы, особенно с наступлением Нового времени, всё более различались. Если институты Востока по-прежнему тяготели к централизации, иерархизации и «силовой» матрице (хотя в эту схему вполне вписывались и мелкие властители), то западные образцы, пусть и не чуждые силовым компонентам, всё же давали примеры и децентрализации, и правовых способов решения возникающих проблем, и уважения прав личности. Поэтому особо следует остановиться на той специфике отечественной культуры, которая порождена самим географическим положением России как пограничной, лежащей между Западом и Востоком.

Проблемы «пограничной» и «промежуточной» цивилизации

Как отмечают философы, с момента, когда в России начало просыпаться самосознание, сама страна стала своей главной «проблемой» [Вога, 2014. С.109]. Ситуация столкновения различных культурных традиций, с которой познакомился мир в течение нескольких последних веков, сопровождала Россию во все времена. Причём в ходе этого сложного многовекового процесса в социальной и ценностной структуре российского общества, вопреки мнению традиционалистов-ортодоксов, развивались, существовали и существуют по сей день традиции самых разных идеологических направлений и даже развивается процесс, который А.Б. Гофман назвал «модернизацией традиционности». Он связан с подвижностью и свободной интерпретацией представлений о традиции разнообразными субъектами. В результате в обществе, наряду с традициями-привычками, традициями-реставрациями, появляются и традиции-революции. И у традиции «появляются конкуренты: заимствованные формы социального действия, социальной регуляции и саморегуляции, выполняющие те же функции» [Гофман, 2008. С. 26]. Если такой процесс протекает внутри общества, входящего в одну из «классических»³ цивилизаций, то такая эволюция традиций развивается постепенно, хотя и, как известно, не без революционных взрывов, то в обществах, находящихся на границах между разными социокультурными образованиями, он происходит по-другому. Эти общества, оказавшиеся на пересечении влияния разных соседей, несущих с собой различные культурные принципы, и в прошлом (Византия), и в настоящем (Россия, Латинская Америка) создавали свои социокультурные и институциональные каркасы по собственным принципам. Прежде всего, если любая «классическая» цивилизация «представляет собой нечто единое в своей основе», то в противоположность этому «пограничные» цивилизации характеризуются «доминированием принципа многообразия, преобладающего над принципом единства. Цельная относительно монолитная духовная основа в этом случае отсутствует» [Шемякин, 2014. С. 117]. То есть сама ситуация «пограничности» предполагает большую склонность к впитыванию влияний, идущих от различных внешних источников, повышенную проницаемость внутренних границ и у индивидов, и в общностях, составляющих целое «пограничной» цивилизации.

При этом самую суть «пограничных» цивилизаций составляет сложнейший узел различных типов взаимодействия качественно разнородных традиций. Крайне противоречивый характер их взаимосвязи «проявляется в таких характеристиках «пограничной» реальности, как амбивалентность социокультурных ориентаций (то есть одновременная направленность в противоположные стороны) и антиномичность (тенденция к «лобовому» столкновению полярностей бытия)» [Шемякин, 2014. С. 117] (об этом также [Шемякин, 2009; Шемякин, Шемякина, 2009]). В такой ситуации складывается главный парадокс «пограничной» реальности — «в условиях доминанты многообразия единство также реально... Определяющим фактором достижения целостности *sui generis* в условиях пограничья стал особый характер взаимосвязи сторон тех острейших противоречий, из которых буквально «соткана» ткань «пограничного» социального бытия» [Шемякин, 2014. С.118]. Эту особенность пограничья применительно к Византии С.С. Аверинцев определил как «взаимоупор», как «единство противоположностей, дополняющих друг друга в рамках системы и гарантирующую равновесие своим взаимоупором» [Аверинцев, 1997. С. 252].

³ Разные исследователи в зависимости от своих задач насчитывают разное число таких цивилизаций. Наиболее грубое деление — на западную и восточную (сюда же можно отнести и «матричные» институциональные конструкции). Культурологи дают более дробное деление. Так, Г.С. Померанц в основу деления положил появление важнейших священных книг в период с 700-х гг. до н.э. до 700-х гг. н.э., выделяя четыре религиозных и ценностных компонента (субэкумены): христианского, исламского, индуистского и китайско-японского миров [Померанц, 1995].

Одно и то же влияние, проникающее из «классических» обществ в «пограничные», может быть проинтерпретировано иначе, нежели в его первоисточнике. Будучи переработанным новой для него многообразной средой с её противоречиями и «взаимоупорами», оно способно обрести совершенно новые черты и даже превратиться в свою противоположность. Кроме того, нельзя не учитывать особенности и исторических условий, которым сопутствовало проникновение влияния той или иной стороны, и специфику географического положения отдельных частей принимающего сообщества, их близости к разным центрам влияния. Эти факторы изменчивы в ходе истории. И если ранее страна ориентировалась в своей политике и повседневной жизни на одних соседей, то через десятилетия или столетия фокус влияния может смениться даже на противоположный. При этом, однако, нормы, ценности, институты, воспринятые (пусть и в преображённом виде) в предшествующие века, остаются в реальных практиках как населения в целом, так и элит общества. Даже искренние реформаторы, обладающие возможностями проведения модернизации существующих порядков, несут в своём подсознании следы влияний предшествующих веков. Невольно они при проведении преобразований склоняются к методам, имеющим иные источники, и тем самым вносят искажения в задуманное. Сам психологический склад людей пограничной системы, их представления о способах проведения преобразований таит в себе опасность того, что результатом этой деятельности могут стать институциональные рубцы, рождённые в ходе непровольного смешения старых и новых практик и представлений.

То есть при всей открытости принимающей системы и её приверженности многообразию основную роль в процессе играет само принимающее общество, и прежде всего его элиты, от интересов которых (причем очень часто сиюминутных) зависит приятие или неприятие того или иного влияния, и главное — форма этого приятия. «Один и тот же Маркс прочитан по-разному в Швеции и в России. Китай пошел по пути Ленина. Индия — по пути Льва Толстого. Ответственность лежит на тех, кто сделал выбор...» [*Померани*, 1995. С. 555]. Можно сказать, что институциональный рубец складывается как ответ на потребность сочетания в институциональной системе такого общества элементов старых и привносимых извне норм и правил.

Сложность складывания особого единства ценностной и институциональной структур общества «пограничья» проявляется в том, что, с одной стороны, оно более, нежели в случаях «классических» цивилизационных образований, подвержено воздействию самых разнообразных влияний, не исключая посягающие на его сущностные основания. Но с другой стороны, так как к этому обществу, открытому многообразию инородных влияний, присуще и свое особое единство, всегда есть опасность, что при такой открытости может наступить момент, когда «взаимоупор» не выдерживает. Происходит очередной срыв в процессе укоренения воспринятых многими, казалось бы, важных для развития общества идей и, соответственно, очередная смена периода реформ на контрреформы. Но при этом в институциональной структуре общества всегда остаются следы незавершённых реформ, своего рода рубцы. И на следующем этапе развития, когда будет предпринята очередная попытка реформ, общество вступит в нее уже с институциональной структурой, в которую прочно вросли эти рубцы. И новому поколению реформаторов, предпринимая очередную попытку модернизации в условиях «догоняющего развития», при взаимодействии институтов следует учитывать тот факт, что их надо имплантировать в среду, искажённую результатами прошлых попыток прорыва. Важно учитывать и то, что с этими искажениями не сталкивались ни теоретики, ни практики тех передовых стран, которые принимаются за образец. А значит, и процесс модернизации (даже если не предполагается совершить мобилизационный рывок) не может соответствовать стандартным представлениям, укоренившимся в обществе, которое принято за образец.

Эти особенности общества пограничья дали толчок еще одной теории, объясняющей специфику мышления большинства его представителей, восприятия нередко проти-

воположных друг другу ценностей и, соответственно, притяжения или отторжения тех или иных институтов. Для такого общества, прежде всего в период господства в нем архаичных представлений, превалирует инверсионный тип мышления, по логике которого «каждое явление — оборотень, т.е. способно... стать своей противоположностью, превратиться из добра в зло». Этот тип мышления предполагает «логическое движение от абстрактного к абстрактному того же уровня, движение в рамках исторически сложившейся альтернативы» [Ахиезер, 1998. С. 195]. Думается, эти размышления имеет смысл рассматривать в совокупности с представлениями о специфике «пограничного» общества. Его членам присущи защитные мыслительные реакции на проникновение посторонних радикальных веяний. При этом, хотя А.С. Ахиезер объясняет инверсионным типом мышления резкие повороты в жизни подобного общества, его переходы от реформ к контрреформам, всё же он не считает, что такое общество (прежде всего, российское) фатально обречено на вечную консервацию такого типа мышления.

В процессе развития, усложнения возможен переход к медиации — «развитой логической клеточки мышления, смыслообразования, воспроизводственной деятельности, для которой характерна логика процесса осмысления в рамках дуальной оппозиции (инверсия — медиация — Н.П.), логическое мышление от абстрактного к конкретному, выработка качественно новых альтернатив в мысли и действии» [Ахиезер, 1998. С. 271]. В ходе постепенного развития «инверсия может выступать как господствующая форма, содержащая медиацию «под собой» в скрытом неразвитом виде, что свидетельствует о преобладании эмоциональных механизмов принятия решений». А также «инверсия может быть отеснена на задний план, выступать как подчинённый момент медиации, как исходная точка её развития» [Ахиезер, 1998. С. 195].

Эти два типа мышления, по Ахиезеру, сосуществуют у разных представителей общества. При этом господствующие носители инверсионного мышления при нарастании жизненных трудностей могут резко отвергнуть ранее господствующие ценности и соответствующие им институты и принять новые как сулящие быстрое изменение ситуации к лучшему. Однако сложности трансформации быстро охлаждают тягу к новому, и большинство общества столь же резко меняет свои предпочтения, возвращаясь к прежним представлениям.

В такой социопсихологической рамке А.С. Ахиезер описывает историю России с её регулярно повторяющимися попытками преобразований, называя российскую цивилизацию «промежуточной», в которой наряду с господствующим слоем традиционалистского большинства присутствует и тонкая прослойка либерально ориентированного меньшинства. И хотя размер этого меньшинства медленно увеличивается, всё же его попытки добиться резкого изменения господствующего уклада средствами мобилизационного рывка (что обычно происходит в периоды глубокого кризиса), будучи сначала приняты как средство спасения, очень быстро отторгаются большинством. Отсюда важность для реформаторски ориентированной элиты выработки таких форм трансформации, которые давали бы большинству наглядные примеры возможностей выхода из сложностей текущей ситуации и желательно — перспектив на будущее. Эти формы могут появиться только в ходе повседневной жизненной практики индивидов, равно как и в общей атмосфере жизни, дающей реальные надежды на возможность реализации такой перспективы. Поэтому Ахиезер связывает перспективы развития российского общества, выхода его из состояния «промежуточной цивилизации» в развитом утилитаризме как переходе «от поиска средств, дающих не меньший эффект, чем утраченные средства, к поискам все более эффективных средств, осознанием связи роста благ и личных усилий по их добыванию и производству... Развитой утилитаризм с его ориентацией на прогресс производства требует развития личности, повышения ею ценности своего Я... следовательно, выступает как возрастающая по своей значимости пружина социальных изменений, сила, вынуждающая формировать

новые средства... подготавливает почву для либерализма с его растущей оценкой духовных ценностей» [Ахиезер, 1998. С. 522].

Многое в этом сложном процессе восприятия новых идей, технологий, институтов зависит от целеполагания элит, предпринимающих усилия по внедрению нового, дающего большинству не только возможности улучшения своего положения в обозримой перспективе, но и позитивные картины будущего⁴. От проводимой элитами политики зависят возможности возникновения в реальной жизни условий формирования развитого утилитаризма. Проводящие эту политику должны как учитывать интересы и возможности той тонкой прослойки созревшего для восприятия нового меньшинства, так и создавать условия для адаптации и социального и культурного развития большинства.

Важно помнить, что в описываемой ситуации институциональные и особенно ценностные компоненты как необходимые составляющие модернизационного процесса остаются не только в лучшем случае недоразвитыми, но и деформированными. Поэтому велик риск того, что под воздействием разнонаправленных сил попытки даже комплексных технологических изменений нередко заходят в тупик. В итоге создаются предпосылки не только для быстрого затухания всего процесса, но и для формирования особых институциональных рубцов, возникающих в ходе приспособления новых идей, институтов и технологий к старой институциональной и ценностной реальности. Причём, как правило, попытки встраивания в существующую институциональную структуру заимствованных компонентов оказываются дополнительным фактором её укрепления, создающим новые, ранее неведомые передовым странам проблемы, и одновременно базой для укрепления позиций, выгодных «промежуточным выгодоприобретателям» [Hellman, 1998]. Последние, как правило, не только не предлагают массовым слоям средства и пути для самостоятельного развития, но лишают их перспективы, стремятся затормозить процессы социокультурных преобразований, необходимых в новых условиях, сузить процессы образования рамками, препятствующими ценностному и общегуманитарному развитию индивидов, всестороннему развитию человеческого потенциала. Более того, в подобной ситуации в обществе формируются тенденции, деформирующие ценности социальной консолидации, подлинного коллективизма, обычно связанные с инициативами «снизу». Они подменяются патерналистским настроением большинства, требующего помощи «сверху» в решении своих проблем, что характерно для архаичного сознания.

В то же время история знает и примеры модернизации, связанные с историческими ситуациями, как правило, возникающими после какого-то краха системы — или военного, или экономического. Пытаясь выйти из него, властители также начинают внедрять в её каркас заимствованные из более продвинутых стран новации. Но при этом они стремятся опираться на более продвинутое меньшинство и делают ставку на постепенное воспитание господствующего большинства, открывая для него новые реальные возможности. Такой период в какой-то степени был в России в эпоху Великих реформ Александра II, который после поражения в Крымской войне отважился присоединиться к имеющемуся в элитах меньшинству.

Такая стратегия отнюдь не бесконфликтна, чревата искажениями привнесённых институтов и своеобразными толкованиями привнесённых ценностей, что ведёт к формированию основанных на социокультурных столкновениях институциональных рубцов. Но в данном случае есть надежда на то, что усилия элит, проводящих такую политику сглаживания противоречий и одновременно культурного просвещения большинства, в том числе на основе собственного примера, могут дать свои плоды. Возможен также выход на новый

⁴ Этот фактор В.М. Полтерович отмечает в качестве одного из основных в реформаторской деятельности, подчёркивая важность привлекательности для населения проводимых преобразований, особенно на первых этапах, и предоставления ему информации о ходе реформ и потребностях в их корректировке [Полтерович, 2007. С. 424].

эволюционный путь в результате преодоления системного кризиса, разрешающего накапливающиеся противоречия между старым и новым. В результате такой кризис меняет важнейшие параметры и разрушает механизмы, поддерживающие либо институциональный рубец, либо (в более лёгком случае) институциональную ловушку. Важно, что успех такого варианта развития в целом зависит от способности общества воспринимать те или иные изменения и вписываться в комплекс требований, сформулированных Полтеровичем в его теории реформ [Полтерович, 2007. С.423–428]⁵. К ним, представляется, может быть добавлено лишь особое требование, предполагающее разработку конкретных мер, способствующих рассасыванию имеющихся в институциональной структуре рубцов, накопленных за предшествующие десятилетия или столетия.

Но возможности успеха конкретных мер во многом зависят от анализа конкретно-исторической ситуации на том или ином этапе развития каждого общества, а также от изменения ценностных предпочтений его членов. Специфика российской ситуации и возможности выхода из сложившегося в ней порочного круга «реформа — контрреформа» будут темой заключительной части работы.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев С.С. (1997). Поэтика ранневизантийской литературы. — М.: «Сад».
- Аузан А.А. (2007а). «Колея» российской модернизации // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 54-60.
- Аузан А.А. (2007b). Пора решиться на переустройство государства // *Российское государство: вчера, сегодня, завтра*. — М.: Новое издательство. С. 407-422.
- Аузан А., Келимбетов К. (2012). Социокультурная формула экономической модернизации // *Вопросы экономики*. № 5. С. 37-44.
- Ахизер А.С. (1998). Россия: критика исторического опыта. Т. II. Теория и методология: Словарь. — Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Балацкий Е.В. (2020). «Институциональная ловушка»: научный термин и красивая метафора // *Journal of Institutional Studies*. № 3. С. 24-41.
- Балацкий Е.В. (2012). Институциональные и технологические ловушки: анализ идей // *Журнал экономической теории*. № 2. С. 48-63.
- Балацкий Е.В. (2021). Принцип согласованности в теории социального развития // *Terra Economicus*. Т.19. № 1. С. 36-52.
- Бессонова О.Э. (2007). Образ будущего России и код цивилизационного развития. — Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН.
- Вельцель К. (2017). Рождение свободы. — М.: АО «ВЦИОМ».
- Вога П.Н. (2014). Богопознание как самопознание (Штрихи философии Григория Померанца) // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 98-112.
- Вольчик В.В. (2015). Эволюция российского института власти-собственности // *Российская власть и бюрократическое государство Ч. 2 / Под ред. В.П.Макаренко*. — Ростов-на-Дону: Издательство Южного Федерального университета.
- Гофман А.Б. (2008). От какого наследия мы не отказываемся? Социокультурные традиции инновации в России на рубеже XX–XXI веков // *Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / Под ред. А.Б.Гофмана*. — М.: РОССПЭН. С. 9-62.
- Дмитриев М.Э., Никольская А.В. (2019). Осенний перелом в сознании россиян: мимолётный всплеск или новая тенденция? // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 19-34.
- Заостровцев А.П. (2020). Poleмика о модернизации: общая дорога или особые пути? — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Инглхарт Р. (2018). Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. — М.: Мысль.
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. — М.: Новое издательство, «Либеральная миссия».

⁵ В данном случае имеет смысл вспомнить и о сформулированных Д. Нортон и его коллегами «пороговых условиях для элит», которых им нужно достигнуть для начала перехода к «порядкам открытого доступа», а также о серии исследований постепенных изменений в «порядках ограниченного доступа», открывающих возможности достижения «порядков открытого доступа» и эволюционного пути модернизации [Яковлев, 2020].

- Кирдина С.Г. (2014). Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. М. — СПб.: Нестор-История.
- Назаретян А.П. (2017). Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. — М.: Аргатак — Медиа.
- Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Фонд экономической книги «Начала».
- Норт Д., Уоллист Д., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для изучения письменной истории человечества. — М.: Издательство Института Гайдара.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2011). Когда и почему разошлись пути России и Западной Европы (подход с позиции институциональной экономической истории) // Мир России. № 4. С. 24-59.
- Нуреев Р.М., Рунов А.Б. (2002). Назад к частной собственности или вперед к частной собственности? // Общественные науки и современность. № 5. С. 5-23.
- Плискевич Н.М. (2006). «Власть-собственность» в современной России: происхождение и перспективы мутации // Мир России. № 3. С. 62-113.
- Полтерович В.М. (2007). Элементы теории реформ. — М.: Экономика.
- Померанц Г. (1995). Выход из трансa. — М.:Юрист.
- Радыгин А., Энтов Р. (2008). В поисках институциональных характеристик экономического роста (новые подходы на рубеже XX — XXI вв.) // Вопросы экономики. № 8. С.4-27.
- Харрисон Л. (2014). Евреи, конфуцианцы и протестанты. Культурный капитал и конец мультикультурализма. — М.: Мысль.
- Хедлунд С. (2015). Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. — М.: ВШЭ.
- Шемякин Я.Г. (2009). Граница (процесс перехода и тип системности) // Общественные науки и современность. № 5. С.113-125.
- Шемякин Я.Г. (2014). Субэкумены и «пограничные» цивилизации в сравнительно-исторической перспективе: о характере соотношения Языка, Текста и Шрифта // Общественные науки и современность. № 2. С. 113-123.
- Шемякин Я.Г., Шемякина О.В. (2009). Пути и условия достижения целостности цивилизационной системы. Сопоставление исторического опыта России и Латинской Америки. Ст. 1. // Латинская Америка. № 9. С. 4-20.
- Эйзенштадт Ш. (2010). Срывы модернизации // Неприкосновенный запас. № 6. С.42-63.
- Яковлев А.А. (2020). Поиск институциональных решений через призму истории // Общественные науки и современность. № 2. С. 57-63.
- Harrison L. (2013). Jews, Confucians, and Protestants. Cultural Capital and the End of Multiculturalism. — New York: Rowman & Littlefield Publishers, INC.
- Hedlund S. (2011). Invisible Hands, Russian Experience and Social Science. Approaches to Understanding Systemic Failure. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Hedlund S. (2017). The Attraction of Extraction: Fundamental Institutions of Russian Long-Term Development Strategy. // Russia 1917–2017: European Modernization or Sonderweg? / A.P. Zaostrovstev (ed.). — SPb.: Leontevskij tsentr. Pp. 11–27.
- Hellman J. (1998). Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition // World Politics. Vol.50. No 2. Pp. 203-234.
- North D. (1990). Institutions, Institutional Chance and Economic Performance. — Cambridge: Cambridge University Press.

Плискевич Наталья Михайловна

znplis@yandex.ru

Natalya Pliskevich

Senior Researcher, Institute of economics of the Russian Academy of sciences (Moscow)

znplis@yandex.ru

INSTITUTIONAL SCARS IN «FRONTIER» SOCIETIES AND THE EVOLUTION OF HUMAN POTENTIAL (Part 1. Institutional scars)

Abstract. The article analyzes the consequences of one of the catch-up development strategies - attempts to catch up with the help of modernization breakthroughs of the mobilization type. As a result, if the lag in the technological field is overcome to some extent, then the institutional and cultural transformations accompanying it, as requiring changes in the social environment and more time, inevitably lag behind. Therefore, the institutions being introduced, which have fallen into an environment alien to them, are distorted, moreover, in the course of their deformation, they acquire properties that make it possible to strengthen the old institutional system. In the institutional fabric of society, institutional scars are formed that are not familiar to the countries of evolutionary development and require special attention in the course of further attempts at modernization transformations. It is shown that for countries such as Russia, in the process of forming institutional scars, their very position as “borderline” between civilizational formations of different types acquires an important role. The culture of such “border” communities is characterized by easier absorption of sociocultural influences from various neighbors, which contributes to the eclecticism of the formation of their own sociocultural basis. The first article poses the problem of the formation in the course of mobilization jerks of special institutional formations - scars in the institutional fabric of society. The role of the factor of “intermediateness” of the society accepting external institutions is shown in this process.

Keywords: institutional structure, institutional scar, «frontier» civilization, modernization, mobilization spurt, values, human potential.

JEL: A12, A13, B00, B15, B52.

REFERENCES

- Akhiyezer A.S. (1998). *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta. T. II. Teoriya i metodologiya. Slovar'* [Russia: criticism of historical experience. Vol. II. Theory and methodology. Vocabulary.]. — Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. (In Russ.).
- Auzan A.A. (2007a). «Koleya» rossiyskoy modernizatsii [The “track” of Russian modernization] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 6. Pp. 54-60. (In Russ.).
- Auzan A.A. (2007b). Pora reshit'sya na pereuchrezhdeniye gosudarstva [It's time to decide on the re-establishment of the state] // *Rossiyskoye gosudarstvo: vchera, segodnya, zavtra* [Russian state: yesterday, today, tomorrow]. — M.: Novoye izdatel'stvo. Pp. 407-422. (In Russ.).
- Auzan A., Kelimbetov K. (2012). Sotsiokul'turnaya formula ekonomicheskoy modernizatsii [Sociocultural formula for economic modernization] // *Voprosy ekonomiki*. No. 5. Pp. 37-44. (In Russ.).
- Averintsev S.S. (1997). *Poetika rannevizantiyskoy literatury* [Poetics of Early Byzantine Literature]. — M.: «Cada». (In Russ.).
- Balatskiy Ye.V. (2012). Institutsional'nyye i tekhnologicheskiye lovushki: analiz idey [Institutional and technological traps: an analysis of ideas] // *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*. No. 2. Pp. 48-63. (In Russ.).
- Balatskiy Ye.V. (2020). «Institutsional'naya lovushka»: nauchnyy termin i krasivaya metafora [“Institutional trap”: scientific term and beautiful metaphor] // *Journal of Institutional Studies*. No. 3. Pp. 24-41. (In Russ.).
- Balatskiy Ye.V. (2021). Printsip soglasovannosti v teorii sotsial'nogo razvitiya [The principle of consistency in the theory of social development] // *Terra Economicus*. V. 19. No. 1. Pp. 36-52. (In Russ.).
- Bessonova O.E. (2007). *Obraz budushchego Rossii i kod tsivilizatsionnogo razvitiya* [The image of the future of Russia and the code of civilizational development]. — Novosibirsk: IEiOPP SO RAN. (In Russ.).
- Dmitriyev M.E., Nikol'skaya A.V. (2019). Osenniy perelom v soznanii rossiyan: mimolotnyy vsplesk ili novaya tendentsiya? [Autumn turning point in the minds of Russians: a fleeting surge or a new trend?] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 2. Pp. 19-34. (In Russ.).
- Eisenstadt S. (2010). Sryvy modernizatsii [Failures of modernization] // *Neprikosnovennyye zapas*. No. 6. Pp. 42-63. (In Russ.).
- Gofman A.B. (2008). Ot kakogo nasledstva my ne otkazyvayemsa? Sotsiokul'turnyye traditsii innovatsii v Rossii na rubezhe XX — XXI vekov [What legacy do we not give up? Sociocultural traditions of innovation in Russia at the turn of the 20th — 21st centuries] // *Traditsii i innovatsii v sovremennoy Rossii. Sotsiologicheskii analiz vzaimodeystviya i dinamiki* / Pod red. A.B.Gofmana [Traditions and innovations in modern Russia. Sociological analysis of interaction and dynamics. Ed. A.B. Hoffman.]. — M.: ROSSPEN. Pp. 9-62. (In Russ.).
- Harrison L. (2013). *Jews, Confucians, and Protestants. Cultural Capital and the End of Multiculturalism*. — New York: Rowman & Littlefield Publishers, INC.

- Harrison L. (2014). *Yevrei, konfutsianty i protestanty. Kul'turnyy kapital i konets mul'tikul'turalizma* [Jews, Confucians, and Protestants. Cultural Capital and the End of Multiculturalism]. — M.: Mysl'. (In Russ.).
- Hedlund S. (2011). *Invisible Hands, Russian Experience and Social Science. Approaches to Understanding Systemic Failure*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Hedlund S. (2015). *Nevidimyye ruki, opyt Rossii i obshchestvennaya nauka. Sposoby ob'yasneniya sistemnogo provala* [Invisible Hands, Russian Experience and Social Science. Approaches to Understanding Systemic Failure]. — M.: HSE. (In Russ.).
- Hedlund S. (2017). The Attraction of Extraction: Fundamental Institutions of Russian Long-Term Development Strategy. // *Russia 1917–2017: European Modernization or Sonderweg?* / A.P. Zaostrovtssev (ed.). — SPb.: Leontevskij tsentr. Pp. 11–27.
- Hellman J. (1998). Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition // *World Politics*. Vol.50. No 2. Pp.203–234.
- Inglehart R. (2018). *Kul'turnaya evolyutsiya: kak izmenyayutsya chelovecheskiye motivatsii i kak eto menyayet mir* [Cultural Evolution. How Human Motivations Change and How the World Changes]. — M.: Mysl'. (In Russ.).
- Inglehart R., Welzel C. (2011). *Modernizatsiya, kul'turnyye izmeneniya i demokratiya. Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence]. — M.: Novoye izdatel'stvo, «Liberal'naya missiya». (In Russ.).
- Kirdina S.G. (2014). *Institutsional'nyye matritsy i razvitiye Rossii. Vvedeniye v X-Y-teoriyu* [Institutional matrices and development of Russia. Introduction to X-Y-theory]. M. — SPb.: Nestor-Istoriya. (In Russ.).
- Nazaretyan A.P. (2017). *Nelineynoye budushcheye. Megaistoriya, sinergetika, kul'turnaya antropologiya i psikhologiya v global'nom prognozirovanii* [Non-linear future. Megahistory, synergetics, cultural anthropology and psychology in global forecasting]. — M.: Argamak — Media. (In Russ.).
- North D. (1990). *Institutions, Institutional Chance and Economic Performance*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- North D. (1997). *Instituty, institutsional'nyye izmeneniya i funktsionirovaniye ekonomiki* [Institutions, institutional changes and economic performance]. — M.: Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala». (In Russ.).
- North D., Wallis D., Weingast B. (2011). *Nasiliye i sotsial'nyye poryadki. Kontseptual'nyye ramki dlya izucheniya pis'mennoy istorii chelovechestva* [Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting recorded human history]. — M.: Izdatel'stvo Instituta Gaydara. (In Russ.).
- Nureyev R.M., Latov YU.V. (2011). Kogda i pochemu razoshlis' puti Rossii i Zapadnoy Yevropy (podkhod s pozitsii institutsional'noy ekonomicheskoy istorii) [When and why did Russia and Western Europe part ways (an approach from the standpoint of institutional economic history)] // *Mir Rossii*. No.4. Pp.24–59. (In Russ.).
- Nureyev R.M., Runov A.B. (2002). Nazad k chastnoy sobstvennosti ili vpered k chastnoy sobstvennosti? [Back to private property or forward to private property?] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 5. Pp.5–23. (In Russ.).
- Pliskevich N.M. (2006). «Vlast'-sobstvennost'» v sovremennoy Rossii: proiskhozhdeniye i perspektivy mutatsii [“Power-property” in modern Russia: the origin and prospects of mutation] // *Mir Rossii*. No. 3. Pp.62–113. (In Russ.).
- Polterovich V.M. (2007). *Elementy teorii reform* [Elements of the theory of reforms]. — M.: Ekonomika. (In Russ.).
- Pomerants G. (1995). *Vykhod iz transa* [Exit from trance]. — M.:Yurist. (In Russ.).
- Radygin A., Entov R. (2008). V poiskakh institutsional'nykh kharakteristik ekonomicheskogo rosta (novyye podkhody na rubezhe XX — XXI vv.) [In Search of Institutional Characteristics of Economic Growth (New Approaches at the Turn of the 20th — 21st Centuries)] // *Voprosy ekonomiki*. No. 8. Pp.4–27. (In Russ.).
- Shemyakin YA.G. (2009). Granitsa (protsess perekhoda i tip sistemnosti) [Border (transition process and type of consistency)] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 5. Pp.113–125. (In Russ.).
- Shemyakin YA.G. (2014). Subekumeny i «pogranichnyye» tsivilizatsii v sravnitel'no-istoricheskoy perspektive: o kharaktere sootnosheniya YAzyka, Teksta i Shrifta [Subecumens and “frontier” civilizations in a comparative historical perspective: on the nature of the correlation of Language, Text and Font] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 2. Pp.113–123. (In Russ.).
- Shemyakin YA.G., Shemyakina O.V. (2009). Puti i usloviya dostizheniya tselostnosti tsivilizatsionnoy sistemy. Sopostavleniye istoricheskogo opyta Rossii i Latinskoy Ameriki. Stat'ya 1 [Ways and conditions for achieving the integrity of the civilizational system. Comparison of the historical experience of Russia and Latin America. Article 1] // *Latinskaya Amerika*. No. 9. Pp.4–20. (In Russ.).
- Voga P.N. (2014). Bogopoznaniye kak samopoznaniye (Shtrikhi filosofii Grigoriya Pomerantsa) [Knowledge of God as Self-Knowledge (Strokes of the Philosophy of Grigory Pomerants)] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 2. Pp.98–112. (In Russ.).
- Vol'chik V.V. (2015). Evolyutsiya rossiyskogo instituta vlasti-sobstvennosti [The evolution of the Russian institution of power-property] // *Rossiyskaya vlast' i byurokraticheskoye gosudarstvo* CH.2 / Pod red. V.P.Makarenko [Russian power and the bureaucratic state. Part 2 / Ed. V.P. Makarenko]. — Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Yuzhnogo Federal'nogo universiteta. (In Russ.).
- Welzel C. (2017). *Rozhdeniye svobody* [Freedom rising]. — M.: AO «VTSIOM». (In Russ.).
- Yakovlev A.A. (2020). Poisk institutsional'nykh resheniy cherez prizmu istorii [Search for institutional solutions through the prism of history] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 2. Pp.57–63. (In Russ.).
- Zaostrovtssev A.P. (2020). *Polemika o modernizatsii: obshchaya doroga ili osobyie puti?* [Modernization Debate: Common Road or Special Ways?]. — SPb.: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.).